

Дочь
Короля
Эльфландии

Надежда Китрих

Дочь короля Эльфландии

<https://litres.ru/74643847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жители сонной долины Эрл веками жили в тишине и покое, но пресытились обыденностью. Желая коснуться запретного, они потребовали от своего правителя, чтобы над ними властвовал истинный маг. Подчиняясь воле народа, юный принц Альверик отправляется в опасный поход за пределы известного мира — туда, где бледные сумерки скрывают границы таинственной Эльфландии, а время течет по иным законам.

Ему удастся отыскать и увести с собой прекрасную Лиразель, дочь эльфийского короля, разделившую с ним судьбу в мире смертных. Но готовы ли люди к последствиям своего каприза? Ведь чистая, первозданная магия не способна долго уживаться с приземленным, серым человеческим бытом, а разгневанный владыка эльфов уже готовит свое безмолвное отмщение.

«Дочь короля Эльфландии» (1924) — великая классика взрослого фэнтези, ставшая истоком жанра. Именно этим поэтичным и завораживающим произведением Лорда Дансейни вдохновлялись Дж. Р. Р. Толкин, Нил Гейман и Говард Лавкрафт.

Содержание

Глава I. Замысел парламента Эрла	4
Глава II. Альверик видит Эльфийские горы	13
Глава III. Волшебный меч встречается с мечами Эльфландии	21
Глава IV. Альверик возвращается на Землю спустя много лет	30
Глава V. Мудрость парламента Эрла	35
Глава VI. Руна Короля эльфов	43
Глава VII. Появление тролля	48
Глава VIII. Приход руны	56
Глава IX. Лиразель уносит ветер	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Надежда Китрих

Дочь короля Эльфландии

Глава I. Замысел парламента Эрла

В рыжих кожаных куртках до колен предстали жители Эрла перед своим лордом, величавым седовласым владыкой, в его длинной багряной зале. Он сидел, откинувшись в резном кресле, и слушал их выборного.

И вот что сказал выборный.

— Семьсот лет правили нами вожди вашего рода, и правили добром. Деяния их хранят в памяти малые певцы, и живут они в тонких, звенящих песенках. Но поколения утекают, словно вода, и нет в этом мире ничего нового.

— Чего же вы хотите? — спросил лорд.

— Мы хотим, чтобы нами правил волшебный лорд, — ответили они.

— Да будет так, — сказал лорд. — Пятьсот лет минуло с тех пор, как мой народ говорил так в парламенте, и всегда будет так, как скажет ваш парламент. Вы сказали своё слово. Да будет так.

Он поднял руку, благословил их, и они ушли.

Они вернулись к своим древним ремёслам: подковывали коней, выделывали кожу, растили цветы, служили суровым

нуждам Земли. Жили они по старым обычаям и ждали нового. А старый лорд послал весть старшему сыну, веля ему прийти.

Вскоре юноша стоял перед ним. Лорд по-прежнему сидел в резном кресле, не вставая с него, и поздний свет высоких окон озарял его старческие глаза, глядевшие далеко вперёд, за пределы его века. Не поднимаясь с места, он и дал сыну наказ.

— Отправляйся в путь, — сказал он, — пока не кончились мои дни, а потому не медли. Ступай отсюда на восток, минуй поля, что нам ведомы, пока не увидишь земли, явно принадлежащие волшебству. Пересеки их рубеж, сотканный из сумерек, и дойди до дворца, о котором лишь в песнях и поётся.

— Это далеко отсюда, — сказал юноша Альверик.

— Да, — ответил отец, — далеко.

— А возвращаться ещё дальше, — сказал Альверик. — Ведь расстояния в тех полях не такие, как здесь.

— Так и есть.

— Что велишь ты мне делать, — спросил сын, — когда я приду к тому дворцу?

И отец ответил:

— Взять в жёны дочь короля Эльфландии.

Юноша подумал о её красоте и ледяном венце, о той несказанной сладости, что, по словам сказочных рун, была ей присуща. О ней пели на диких холмах, где растёт крошеч-

ная земляника, в сумерках и при первых звёздах, и если кто искал певца, там не оказывалось ни души. Порой тихо, снова и снова, пели лишь её имя. Имя её было Лиразель.

Она была принцессой волшебного рода. На её наречение боги послали свои тени, и феи тоже пошли бы туда, но испугались, увидев на своих росистых лугах длинные тёмные тени богов, что двигались по траве. Поэтому они остались таиться в гуще бледно-розовых анемонов и оттуда благословили Лиразель.

— Мой народ требует над собой волшебного лорда, — продолжал старик. — Выбор их неразумен, и лишь Тёмные, что не показывают лиц, знают, чем он обернётся. Но мы, незрячие, следуем древнему обычаю и делаем то, что говорит наш народ в парламенте. Быть может, некий дух мудрости, доселе им неведомый, ещё спасёт их. Ступай же, обратив лицо к свету, что струится из страны фей и слабо озаряет сумрак между закатом и ранними звёздами. Он будет вести тебя, пока ты не дойдёшь до рубежа и не оставишь позади поля, что нам ведомы.

Затем он расстегнул кожаный пояс и отдал сыну свой огромный меч.

— Этот меч хранил наш род из века в век до нынешнего дня, — сказал он. — Он верно будет хранить и тебя в пути, даже если ты уйдёшь за пределы ведомых нам полей.

Юноша принял меч, хотя знал, что такой клинок ему не поможет.

Невдалеке от замка Эрл жила одинокая ведьма, на высокой земле, где летом над холмами перекашивался гром. Жила она одна, в тесной соломенной хижине, и бродила по высоким полям, собирая громовые стрелы. Из этих стрел, не знавших земнойковки, делали с надлежащими рунами оружие, способное отражать нездешние опасности.

В иные весенние поры она принимала облик юной красавицы и пела среди высоких цветов в садах Эрла. Выходила она в тот час, когда бражники впервые перелетают от колокольчика к колокольчику. Среди немногих, кто видел её, был и этот сын лорда Эрла. Любить её было бедой: такая любовь уводит помыслы человека от всего истинного. Но красота облика, ей не принадлежавшего, заманила юношу, и он глядел на неё юными, глубокими глазами. Так длилось, пока ведьма не пощадила того, кого могла бы погубить своим искусством. Что тронуло её, лесть или жалость, кто из смертных скажет? Мгновенно преобразившись там же, в саду, она явила ему свой истинный облик, облик смертоносной ведьмы. Но и тогда он не тотчас отвёл взор. Пока взгляд его ещё медлил на иссохшем создании, бродившем среди мальв, он заслужил её благодарность, которой не купить и не добыть никакими чарами, известными христианам. Она поманила его, он пошёл за ней и узнал на её холме, где гремят грозы, что в день нужды можно выковать меч из металлов, не рождённых Землёю. Руны на таком мече отведут любой удар земного клинка и совладают с оружием Эльфландии, не считая лишь трёх вер-

ховных рун.

Принимая отцовский меч, юноша подумал о ведьме.

В долине едва смеркалось, когда он покинул замок Эрл и так стремительно взбежал на холм ведьмы, что на высочайших пустошах ещё тлел слабый свет. Подойдя к хижине той, кого искал, он застал её у костра под открытым небом: она жгла кости. Он сказал, что настал день его нужды, и она велела ему собрать громовые стрелы в её огороде, в мягкой земле под капустой.

Глаза его с каждой минутой видели всё хуже, зато пальцы привыкали к диковинной поверхности громовых стрел, и прежде чем тьма сомкнулась над ним, он нашёл семнадцать. Сложив их в шёлковый платок, он отнёс добычу ведьме.

Этих чужаков Земли он выложил на траву подле неё. Из чудесных пространств попали они в её волшебный сад, стряхнутые громом с недоступных нам путей. Сами по себе они не заключали волшебства, но вполне годились, чтобы вместить то, что могли дать им руны. Ведьма отложила бедренную кость материалиста и обратилась к бурным пришельцам. Она выстроила их в один ровный ряд у самого костра, опрокинула на них горящие поленья и угли и утрамбовывала их эбеновой палкой, что служит ведьмам скипетром, пока не засыпала глубоко всех семнадцать родичей Земли, посетивших нас из своего эфирного дома. Затем отступила от огня, простёрла руки и внезапно поразила его страшной руной. Пламя взметнулось в изумлении. То, что было лишь

одиноким костром в ночи, не таинственнее прочих таких костров, вспыхнуло вдруг так, что уstraшилcя бы любой путник.

Зелёное пламя, ужаленное рунами, рвалось вверх, жар становился всё нестерпимее. Ведьма отступала всё дальше, и чем дальше отходила от огня, тем громче выкликала руны. Она велела Альвериду подбрасывать поленья, тёмные дубовые чурбаны, что загромождали пустошь. Едва он кидал их в огонь, жар тотчас пожирал их, а ведьма кричала руны всё громче, и пламя плясало дико и зелено. В глубине углей семнадцать пришельцев, чьи пути некогда пересеклись с путём Земли, когда они свободно блуждали в пустоте, вновь познали жар, столь же великий, какой знали в той отчаянной скачке, что принесла их сюда. Когда Альверик уже не мог подойти к костру, а ведьма, стоя в нескольких ярдах от него, всё кричала свои руны, волшебное пламя выжгло весь пепел, и знамение, полыхавшее на холме, вдруг угасло. Остался лишь круг, угрюмо тлевший на земле, словно зловещая лужа расплава, что слепит глаза там, где вспыхнул термит. И плашмя в этом зареве, ещё жидкий, лежал меч.

Ведьма подошла к нему и срезала его края клинком, выхваченным из-за бедра. Потом села рядом на землю и запела, пока он остывал. Песнь, что она пела мечу, не походила на руны, разъярившие пламя. Та, чьи проклятия так разили огонь, что он иссушил толстые дубовые чурбаны, напевала теперь мелодию, подобную летнему ветру, что веет из диких

лесных садов, не знавших руки человека, вдоль долин, любимых детьми, а ныне потерянных для них, кроме как во снах. То была песнь о воспоминаниях, что таятся по краям забвения: вот блеснёт из прекрасных лет ответ какого-то золотого мгновения, вот стремительно уйдёт из памяти, вернувшись в сумрак, и оставит в душе лишь едва уловимые следы маленьких сияющих ног, что зовутся сожалениями. Она пела о давних летних полднях, о поре колокольчиков. Так полна была эта песнь утр и вечеров, сбережённых со всеми их росами волшебным искусством ведьмы от дней, которые иначе были бы утрачены, что Альверик, глядя на каждое лёгкое крылышко, выманенное огнём из сумрака, гадал: уж не призрак ли это какого-нибудь дня, потерянного для людей и вызванного силой её песни из времён более прекрасных?

А неземной металл всё это время твердел. Белая жидкость густела и краснела. Багрянец тускнел. Остывшая, металл сужался: мелкие частицы сходились, малые трещины смыкались, и, смыкаясь, они захватывали окружающий их воздух, а с воздухом ловили и руну ведьмы, хватали её и удерживали навеки. Так он стал волшебным мечом. Всё то небольшое волшебство, что есть в английских лесах от поры анемонов до листопада, было и в мече. Всё то небольшое, что есть на южных холмах, где бродят лишь овцы да тихие пастухи, было и в нём. Был в нём запах тимьяна и цвет сирени, и хор птиц, что поёт перед рассветом в апреле, и глубокое гордое величие рододендронов, и гибкость и смех ручьёв, и мили и

мили цветущего боярышника. И когда меч почернел, он весь был исполнен чар.

Никто не расскажет вам об этом мече всего, что о нём можно рассказать. Те, кто знает пути Пространства, по которым некогда плыли его металлы, пока Земля не подхватила их один за другим, пролетая мимо по своей орбите, слишком дорожат временем, чтобы тратить его на такие пустяки, как волшебство, и потому не скажут вам, как был выкован меч. А те, кто знает, откуда берётся поэзия и зачем человеку песня, или ведаёт любую из пятидесяти ветвей магии, слишком дорожат временем, чтобы тратить его на такие пустяки, как наука, и потому не скажут, откуда взялись его составные части. Довольно того, что некогда он был вне нашей Земли, а ныне здесь, среди наших будничных камней. Прежде он был подобен этим камням, а ныне заключал в себе нечто сродни тихой музыке. Пусть те, кто сможет, дадут этому имя.

Теперь ведьма вытянула чёрный клинок за рукоять, толстую и с одной стороны округлую: ради этого она загодя вырезала в земле под рукоятью небольшую канавку. Затем принялась точить обе стороны меча, натирая их диковинным зеленоватым камнем и всё так же напевая над клинком жуткую песнь.

Альверик молча следил за ней, дивясь и не считая времени. Быть может, то были мгновения, а быть может, звёзды успели уйти далеко по своим путям. Вдруг она кончила. Поднялась, держа меч на обеих ладонях, и резко протянула его

Альверик. Он принял меч, ведьма отвернулась, и во взгляде её мелькнуло, будто она охотно оставила бы себе этот меч или Альверика. Он повернулся, чтобы излить благодарность, но её уже не было.

Он стучал в дверь тёмной хижины, кричал: «Ведьма, ведьма!» над одинокой пустошью, пока на дальних хуторах дети, услышав, не затрепетали от страха. Тогда он повернул домой, и так было для него лучше всего.

Глава II. Альверик видит Эльфийские горы

В длинную, скупобставленную горницу высоко в башне, где спал Альверик, упал прямой луч восходящего солнца. Он проснулся и тотчас вспомнил о волшебном мече, и всё пробуждение озарилось радостью. Радоваться недавнему подарку естественно, но была и особая радость в самом мече. Быть может, она тем легче доходила до мыслей Альверика, что те только что вышли из страны снов, а она по преимуществу и есть страна меча. Как бы то ни было, всякий, кому достался волшебный меч, пока тот был нов, неизменно ощущал эту радость ясно и безошибочно.

Прощаться ему было не с кем, и он счёл за лучшее немедленно исполнить отцовский наказ, а не медлить, объясняя, отчего берёт в странствие меч, который почитает лучшим, нежели любимый отцом. Он даже не стал завтракать: сложил снедь в сумку, перекинул через плечо на ремне флягу из доброй новой кожи (наполнять её не стал, ибо знал, что встретит ручьи), препоясался отцовским мечом, как обычно носят мечи, второй закинул за спину, привязав грубую рукоять близ плеча, и зашагал прочь от замка и долины Эрла. Денег он взял немного, лишь полгорсти медяков на траты в знакомых нам полях: он не знал, какая монета и какой обмен в

ходу по ту сторону рубежа сумерек.

Долина Эрла лежит совсем близ границы, за которой знакомых нам полей уже нет. Он взошёл на холм, пошёл лугами, миновал ореховые рощи. Синее небо весело сияло над ним в пути через поля, и такая же синева лежала у его ног, когда он вошёл в лес, ибо стояла пора колокольчиков. Он поел, наполнил флягу, весь день шёл на восток, а к вечеру перед ним всплыли горы Волшебной страны, цвета бледных незабудок.

Когда солнце село у него за спиною, Альверик посмотрел на бледно-голубые горы: каким цветом поразят вечер их вершины? Но они не приняли ни оттенка от заходящего солнца, золотившего все поля, что нам ведомы. Ни одна складка не померкла на их кручах, ни одна тень не сгустилась, и Альверик понял, что ничто из происходящего здесь не меняет заколдованных земель.

Он отвёл глаза от их тихой бледной красоты и вернул их к родным полям. Там, над глубокими живыми изгородами, прекрасными в весеннем убранстве, поднимались к солнцу щипцы крыш: то были жилища земных людей. Он шёл мимо них, а красота вечера всё росла: пели птицы, бродили запахи цветов, ароматы становились глубже и глубже, и вечер наряжался, готовясь встретить Вечернюю звезду. Но прежде чем звезда явилась, юный странник нашёл ту хижину, что искал: над её дверью хлопала вывеска из огромной бурой шкуры с чужеземными золочёными буквами, возвещавшими, что здесь живёт кожевник.

На стук Альверика вышел к двери старик, маленький и согбенный годами, и согнулся ещё ниже, услышав имя гостя. Юноша попросил ножны для меча, но не сказал, что это за меч. Они вошли в хижину, где у большого огня сидела старая жена, и оба оказали Альверiku честь. Старик сел к тяжёлому столу: столешница блестела гладкостью там, где её не изрыли мелкие орудия, что всю жизнь этого человека, да и во времена его отцов, пробивали отверстия в кусках кожи. Он положил меч на колени, подивился грубости рукояти и гарды, сделанных из сырого необработанного металла, и огромной ширине клинка. Потом сощурился и задумался о своём ремесле. Вскоре он решил, что делать. Жена принесла хорошую шкуру, и он выкроил на ней две полосы, чуть шире меча.

На расспросы о широком светлом мече Альверик отвечал уклончиво: ему не хотелось смущать старика рассказом о том, что это за меч. А вот когда немного погодя он попросил у стариков ночлега, смутил их вполне. Они дали ему приют с такими извинениями, словно сами просили об одолжении, и подали обильный ужин из котла, где варилось всё, что старик ставил в силки. Что бы ни говорил Альверик, они уступили ему свою постель, а себе наскоро устроили у огня ложе из шкур.

После ужина старик выкроил две широкие полосы кожи, заострив каждую с одного конца, и стал сшивать их по краям. Альверик начал расспрашивать его о дороге, и старый

кожевник говорил о севере, и о юге, и о западе, и даже о северо-востоке, но о востоке и юго-востоке не молвил ни слова. Он жил у самого края знакомых нам полей, но ни он, ни жена не обронили и намёка на то, что лежит за ними. Казалось, они полагают, что там, куда завтра лежит путь Альверика, кончается свет.

Позже, лёжа в предоставленной ему постели и обдумывая слова старика, Альверик то дивился его неведению, то гадал, не умение ли помогло им весь вечер обходить малейшее слово о том, что лежит к востоку и юго-востоку от их дома. Не бывал ли старик там в юности? Но представить, что он там нашёл, Альверик не мог даже в догадках. Потом он уснул, и сны подсказали ему намёки и догадки о скитаниях старика по Волшебной стране, но проводников лучше тех, что у него уже были, не дали, а были они — бледно-голубые вершины Эльфийских гор.

Старик разбудил его, когда он проспал уже долго. В горнице пылал яркий огонь, завтрак был готов, а ножны сделаны и пришлись по мечу точно. Старики молча прислуживали ему и взяли плату за ножны, но за гостеприимство не взяли ничего. Молча они смотрели, как он собирается в путь, молча проводили до двери и ещё глядели на него с порога, явно надеясь, что он свернёт на север или на запад. Но когда он повернул к Эльфийским горам, они перестали смотреть, ибо лица их никогда не обращались в ту сторону. Хотя они уже не глядели ему вслед, он всё же помахал рукой на про-

щение: он питал нежность к хижинам и полям этих простых людей, какой у них не было к заколдованным землям. Он шёл по искрящемуся утру через картины, знакомые с младенчества: видел ранние красноватые орхидеи, что напоминали колокольчикам, как те уже перецвели; мелкие молодые листья дуба были ещё буровато-жёлтыми; новая листва буков сияла медью, и там отчётливо куковала кукушка; берёза походила на лесное дикое существо, закутавшееся в зелёный газ; на любимых кустах набухали почки боярышника. Альверик снова и снова мысленно прощался со всем этим, а кукушка всё куковала, и не для него. И вот, когда он продрался сквозь изгородь на необработанное поле, прямо перед ним, как и говорил отец, встал рубеж сумерек. Он тянулся через поля, синий и густой, как вода, и всё, видимое сквозь него, казалось искажённым и сияющим. Альверик раз оглянулся на родные поля. Кукушка куковала безмятежно, малая птица пела о своих делах, и, не встретив ни ответа, ни внимания к своим прощаниям, он смело вступил в долгие толщи сумерек.

Неподалёку в поле человек звал лошадей, на соседней тропе переговаривались люди, а Альверик вступил в сумеречный вал. Все эти звуки тотчас потускнели и слабо загудели, словно с огромных расстояний. Через несколько шагов он был уже по ту сторону, и ни шороха не доносилось из знакомых нам полей. Поля, через которые он прошёл, вдруг кончились, не осталось и следа их изгородей, ярких свежей

зеленю. Он оглянулся: рубеж казался низким, облачным и дымным. Он осмотрелся кругом и не увидел ничего знакомого: на месте красоты мая лежали чудеса и великолепие Эльфландии.

Бледно-голубые горы стояли величаво в своей славе, мерцающая и трепещущая в золотом свете, который, казалось, ритмично изливался с вершин и затоплял склоны золотыми ветрами. А под ними, пока ещё далеко, виднелись серебряные шпили дворца, о котором лишь в песнях и поётся: они уходили в воздух, сплошное серебро. Он стоял на равнине, где цветы были странны, а деревья чудовищны с виду. Он тотчас направился к серебряным шпилям.

Тем, кто мудро держал свои мечтания в границах знакомых нам полей, мне трудно рассказать о земле, куда пришёл Альверик, так, чтобы они увидели в мыслях эту равнину с разбросанными деревьями, а вдали тёмный лес, из которого дворец Эльфландии вздымал сверкающие шпили, и над ними и за ними тот безмятежный горный хребет, чьи вершины не брали цвета ни от какого света, что мы видим. Но ради того и странствуют далеко наши мечтания, и если мой читатель по моей вине не увидит вершин Эльфландии, то моей мечте лучше было бы остаться в знакомых полях. Знайте же: в Эльфландии цвета глубже, чем в наших полях, и самый воздух там светится таким глубоким сиянием, что всё видимое походит отчасти на наши деревья и цветы в июне, отражённые в воде. И цвет Эльфландии, о котором я отчаивался расска-

зять, всё же можно назвать, ибо намёки на него есть и здесь: глубокая синева летней ночи сразу после того, как угас закат, бледная синева Венеры, заливающая вечер светом, глубины озёр в сумерках — всё это намёки на тот цвет. И пока наши подсолнухи прилежно оборачивались к солнцу, какой-то прародитель рододендронов, должно быть, чуть повернулся к Эльфландии, и частица той славы живёт с ними поныне. А прежде всего наши живописцы не раз мельком видели ту страну, оттого порой на картинах мы замечаем чары, слишком чудесные для наших полей: это их воспоминание, вторгшееся из давнего видения бледно-голубых гор, пока они сидели у мольбертов и писали знакомые поля.

Так Альверик шагал по светоносному воздуху той земли, чьи смутно припоминаемые отблески служат здесь вдохновением. И сразу ему стало не так одиноко. Ибо в знакомых нам полях между людьми и всякой иной жизнью проведена резкая черта, так что, стоит нам отойти на день от своих, мы одиноки. Но едва Альверик пересёк рубеж сумерек, как увидел, что эта преграда пала. Вороны, ходившие по вересковой пустоши, поглядывали на него с затейливым любопытством, всякие малые создания пристально высматривали, кто пришёл с той стороны, откуда приходят так немногие, кто отправился в путь, из которого так немногие возвращаются. Ибо король Эльфландии хорошо стерёг свою дочь, как знал Альверик, хоть и не ведал, как именно. В этих маленьких глазах искрился весёлый интерес и мелькал взгляд, который

мог означать предостережение.

Таинственности здесь было, пожалуй, меньше, чем по нашу сторону рубежа: ничто не таилось и не казалось таящимся за громадными дубовыми стволами, как в иные часы и времена года могут таиться вещи в знакомых нам полях. Никакая странность не пряталась за грядями, ничто не бродило в глубоких лесах: всё, что могло таиться, было ясно видно, всякая странность лежала на виду у путника, и всё, что могло бродить в глубоких лесах, жило там при свете дня.

И так сильны были глубокие чары, лежавшие над той землёй, что звери и люди хорошо угадывали смысл друг друга, а кроме того, казалось, существовало понимание, что тянулось от людей к деревьям и от деревьев к людям. Одинокие сосны, которые Альверик время от времени проходил на путоши, чьи стволы всегда светились румяным светом, добытым чарами из какого-то давнего заката, будто стояли, упревая ветви в бока, и чуть склонялись, чтобы посмотреть на него. Казалось, они не всегда были деревьями, пока чары не настигли их там. Казалось, они хотят что-то ему поведать.

Но Альверик не внял предостережениям ни зверей, ни деревьев и зашагал к заколдованному лесу.

Глава III. Волшебный меч встречается с мечами Эльфландии

Когда Альверик подошёл к заколдованному лесу, свет, в котором сияла Эльфландия, не прибавился и не убавился. Альверик понял, что исходит он не от того сияния, что озаряет знакомые нам поля. Разве что блуждающие огни чудесных мгновений, порой поражающие наши поля и гаснущие тотчас, как вспыхнули, забредают за рубеж Эльфландии по случайному смятению чар. Ни солнце, ни луна не творили свет того заколдованного дня.

Ряд сосен, увитых плющом до самой тёмной, нависающей хвои, стоял на опушке, будто часовые. Серебряные шпили сияли так, словно это они порождали всю лазурную дымку, в которой плыла Эльфландия. Альверик уже далеко зашёл в страну эльфов и стоял теперь перед её стольным дворцом. Зная, что Эльфландия хорошо хранит свои тайны, он обнажил отцовский меч, прежде чем войти в лес. Другой меч по-прежнему висел за спиной, в новых ножнах, перекинутых через левое плечо.

Едва он миновал одну из сторожевых сосен, как живший на ней плющ распустил усики, стремительно спустился вниз, бросился прямо на Альверика и вцепился ему в горло.

Длинный тонкий отцовский меч подоспел вовремя: не

будь он уже обнажён, Альверик едва ли успел бы его выхватить, так стремителен был бросок. Он рубил усик за усиком, что хватали его за руки и ноги, как плющ хватается за старые башни, а новые всё тянулись к нему, пока он не перерубил главный стебель между собой и деревом. Тут позади раздался шипящий рывок: с другого дерева спустился другой плющ и летел на него, раскинув листья. Зелёная тварь казалась дикой и разъярённой, когда вцепилась в левое плечо, будто хотела удержать Альверика навеки. Но он одним ударом отсёк эти усики и бился с остальными, а первый плющ был ещё жив, но слишком короток, чтобы дотянуться, и яростно хлестал ветвями по земле. Когда внезапность нападения миновала и Альверик высвободился из хватки, он отступил туда, где плющ уже не мог его достать, а длинный меч ещё мог разить. Плющ уполз назад, заманивая его, и прыгал, стоило Альверику сделать шаг следом. Но как ни страшна хватка плюща, меч был хорош и остр. Вскоре Альверик, весь в синяках, так искромсал нападавшего, что тот бежал вверх по своему дереву. Тогда Альверик отступил и оглядел лес в свете нового опыта, выбирая дорогу. Он тотчас увидел, что у двух сосен перед ним плющ так укоротился в схватке, что, пойдя он ровно посередине между ними, ни тому ни другому до него не дотянуться. Он шагнул вперёд, но в ту же секунду заметил, как одна из сосен придвинулась к другой. И понял, что пора обнажить волшебный меч.

Он вложил отцовский меч в ножны у бедра, выхватил дру-

гой из-за плеча и, подойдя прямо к сдвинувшемуся дереву, взмахнул клинком, когда плющ метнулся на него. Плющ разом упал на землю, не мёртвый, но обыкновенный, простой плющ. Тогда Альверик ударил раз по стволу: щепка отлетела не больше той, что выбил бы любой обычный меч, но всё дерево содрогнулось. С этой дрожью исчез зловещий вид сосны, и она осталась стоять обычным, незачарованным деревом. Альверик пошёл дальше через лес с обнажённым мечом.

Не сделал он и нескольких шагов, как позади раздался звук, подобный слабому ветру в вершинах деревьев, хотя в том лесу не дул никакой ветер. Альверик оглянулся и увидел, что сосны идут за ним. Они двигались медленно, остерегаясь меча, но слева и справа обгоняли его, и он понял, что его мало-помалу замыкает полумесяц: он смыкался всё гуще, вбирая в себя деревья, встреченные на пути, и вскоре раздавил бы его насмерть. Альверик сразу понял, что повернуть назад было бы губительно, и решил рваться вперёд, полагаясь больше всего на скорость. Его быстрый ум уже приметил нечто вялое в чарах, что владели лесом, словно тот, кто ими правил, был стар, или устал от волшебства, или отвлечён иными делами. Поэтому он шёл прямо вперёд, нанося волшебным мечом удар каждому дереву на пути, заколдованное оно или нет. А руны, бежавшие в том металле с обратной стороны солнца, были сильнее любых заклятий леса. Могучие дубы с зловещими стволами никли и теряли все чары, когда Аль-

верик проносился мимо, взмахивая мечом. Он шёл быстрее неуклюжих сосен и вскоре оставил позади себя в том диком, жутком лесу полосу совершенно расколдованных деревьев, не хранивших ни намёка на романтику или тайну.

И вдруг из мрака леса он вышел к изумрудному великолепию лужаек Короля эльфов. И вновь у нас есть намёки на подобное. Представьте наши лужайки, лишь выходящие из ночи, вспыхивающие ранними огнями росинок, когда угасли все звёзды; окаймлённые цветами, что только начинают показываться, и нежные краски их возвращаются после ночи; нехоженые ничьими ногами, кроме самых крошечных и диких; отгороженные от ветра и мира деревьями, в чьей листве ещё прячется тьма. Вообразите их в ожидании птичьего пения: порой в этом почти слышен намёк на сияние лужаек Эльфландии, но он проходит так быстро, что мы не можем быть уверены. Прекраснее всего, что угадывает наше удивление, прекраснее всех надежд наших сердец были росные огни и сумерки, в которых сияли эти лужайки. Есть у нас и другое, чем можно на них намекнуть: те водоросли, или морские мхи, что одевают средиземноморские скалы и светятся из сине-зелёной воды для тех, кто глядит с головокружительных утёсов. Лужайки эти походили больше на морское дно, чем на любую нашу землю, ибо таков воздух Эльфландии, глубокий и синий.

Альверик стоял, любясь этими лужайками, что сияли сквозь сумерки и росу, окружённые лиловой и багряной сла-

вой густых цветов Эльфландии, рядом с которыми бледнеют наши закаты и никнут наши орхидеи. Позади, словно ночь, лежал волшебный лес. А выступая из этого леса, с блистающими воротами, настежь распахнутыми на лужайки, с окнами синее нашего неба летними ночами, будто построенный из звёздного света, сиял дворец, о котором лишь в песнях и поётся.

Альверик стоял с мечом в руке на краю леса, едва дыша, и глаза его смотрели через лужайки на величайшее чудо Эльфландии. Тут из одних врат вышла дочь короля эльфов. Она ослепительно сошла на лужайки, не замечая Альверика. Ноги её скользили сквозь росу и тяжёлый воздух и на миг мягко приминали изумрудную траву, что склонялась и вновь поднималась, как наши колокольчики, когда на них садятся и улетают голубые бабочки, беспечно блуждающие по меловым холмам.

Альверик не дышал и не двигался и не смог бы двинуться, даже если бы сосны всё ещё гнались за ним, но они остались в лесу, не смея коснуться тех лужаек.

На ней был венец, казалось вырезанный из огромных бледных сапфиров. Она сияла на этих лужайках и в садах, как заря, неожиданно приходящая после долгой ночи на какой-нибудь планете, что ближе нас к солнцу. Когда она проходила близ Альверика, она вдруг повернула голову, и глаза её широко раскрылись от изумления. Она никогда прежде не видела человека из знакомых нам полей.

А Альверик смотрел ей в глаза, всё ещё безмолвный и бес-
сильный: это была воистину принцесса Лиразель во всей сво-
ей красе. И тут он увидел, что венец её не из сапфиров, а
изо льда.

— Кто ты? — спросила она. Голос её был такой музы-
кой, что из земных вещей всего более походил на звон тысяч
разбитых льдинок, качаемых весенним ветром на озёрах ка-
кой-нибудь северной страны.

И он ответил:

— Я пришёл из полей, что нанесены на карты и всем из-
вестны.

Она вздохнула об этих полях, ибо слышала, как прекрасно
проходит там жизнь и как там всегда растут молодые поко-
ления, и подумала о смене времён года, о детях и о старости,
о которых пели эльфийские певцы, рассказывая о Земле.

Увидев, что она вздыхает о знакомых нам полях, он рас-
сказал ей кое-что о стране, откуда пришёл. Она расспраши-
вала его дальше, и вскоре он уже рассказывал ей сказания о
своём доме и долине Эрла. Она дивилась, слушая, и задава-
ла всё новые вопросы. Тогда он рассказал ей всё, что знал
о Земле: не дерзая излагать её историю по тому, что видел
сам за какие-нибудь жалкие двадцать лет, но пересказывая
те сказания и басни о нравах зверей и людей, что народ Эрла
извлёк из веков и что старики рассказывали у огня по вече-
рам, когда дети спрашивали о том, что было давным-давно.
Так, на краю тех лужаек, чья чудесная слава была обрaмлена

цветами, нам никогда не ведомыми, с волшебным лесом позади и сияющим вблизи дворцом, о котором лишь в песнях и поётся, они говорили о простой мудрости старых мужчин и старых женщин: о жатвах и цветении роз и боярышника, о том, когда сажать в садах, о том, что знали дикие звери, как врачевать, как сеять, как крыть соломой и какие ветры в какие времена года веют над знакомыми нам полями.

Тут явились рыцари, что стерегут дворец, чтобы никто не прошёл сквозь заколдованный лес. Четверо, они шли, сияя доспехами, по лужайкам, и лиц их не было видно. За все заколдованные века их жизни они не смели и мечтать о принцессе и никогда не открывали лиц, когда преклоняли перед нею колена в полном вооружении. Но они дали клятву, страшную словами, что никто другой никогда не заговорит с ней, если кто пройдёт сквозь заколдованный лес. С этой клятвой на устах они двинулись к Альвериду.

Лиразель смотрела на них с печалью, но не могла их остановить, ибо шли они по велению её отца, которого ей не отворотить. Она хорошо знала, что отец не вправе отозвать приказ, отданный много веков назад по велению Судьбы. Альверид взглянул на их доспехи, что казались ярче любого нашего металла, словно были из тех опор, о которых лишь в песнях и поётся. Потом шагнул им навстречу, обнажая отцовский меч: он думал вогнать тонкое остриё в сочленение какого-нибудь доспеха. Другой меч он взял в левую руку.

Когда первый рыцарь нанёс удар, Альверид отразил его и

остановил, но в руку ему ударил толчок, подобный молнии, и меч вылетел у него из руки. Тогда он понял, что никакой земной меч не выдержит оружия Эльфландии, и взял волшебный меч в правую руку. Им он отражал удары стражи принцессы Лиразель, ибо такова была эта четвёрка рыцарей, ждавшая своего часа через все века Эльфландии. И уже ни один из тех мечей не бил его током: лишь дрожь пробегала в металле его собственного клинка, подобная песне, да разгоралось в нём некое свечение, доходившее до сердца Альверика и бодрившее его.

Но по мере того как Альверик продолжал отражать быстрые удары стражи, меч, сродни молнии, утомился этой обороной, ибо в самой его сути были стремительность и отчаянные пути. Подняв вместе с собой руку Альверика, он сам понёс удары на эльфийских рыцарей, и доспехи Эльфландии не смогли его сдержать. Густая странная кровь потекла сквозь щели в латах, и вскоре из того сверкающего отряда двое пали. Ободрённый рвением меча, Альверик бился весело и вскоре сразил третьего, так что остались лишь он да один из стражников, в ком, казалось, была более сильная магия, чем в павших товарищах. Так оно и было: когда Король эльфов впервые заколдовал стражу, он заморозил этого воина первым, пока всё чудо его рун было ещё ново. И в войне, и в его доспехах, и в мече ещё жило нечто от той ранней магии, более мощной, чем любые наития чародейства, что пришли позднее из мысли его повелителя. Но у этого рыцаря,

как Альверик скоро почувствовал по руке и по мечу, не было тех трёх верховных рун, о которых говорила старая ведьма, когда ковала меч на своём холме: ибо они хранились непроизнесёнными самим королём Эльфландии, чтобы оградить ими собственное присутствие. Чтобы знать об их существовании, ей, должно быть, пришлось лететь на помеле в Эльфландию и тайно беседовать с королём наедине.

А меч, посетивший Землю из такой дали, разил, как падающие громовые стрелы. Зелёные искры поднимались от доспехов, и багряные, когда меч встречал меч. Густая эльфийская кровь медленно стекала по кирасе из широких разрезов. Лиразель глядела в страхе, изумлении и любви. Сражающиеся, не прекращая боя, ушли в лес. Ветви, срубленные в схватке, падали на них. Руны в далеко странствовавшем мече Альверика ликовали и ревели на эльфийского рыцаря. Наконец во тьме леса, среди ветвей, отсечённых от расколдованных деревьев, ударом, подобным удару грома, расщепляющему дуб, Альверик сразил его.

При том грохоте и при той тишине Лиразель подбежала к нему.

— Скорее! — сказала она. — Ведь у моего отца есть три руны...

Она не осмелилась говорить о них.

— Куда? — спросил Альверик.

И она ответила:

— В поля, что ты знаешь.

Глава IV. Альверик возвращается на Землю спустя много лет

Назад через стерегущий лес шли Альверик и Лиразель. Лишь раз она обернулась к тем цветам и лужайкам, что видны только самым дальним странствиям поэтической мечты в глубочайшем сне, и снова поторопила Альверика. Он выбирал путь мимо деревьев, которые сам расколдовал.

Она не давала ему медлить даже ради выбора тропы и всё гнала прочь от дворца, о котором лишь в песнях и поётся. Другие деревья уже тяжело двигались им вслед из-за тусклой, лишённой чар полосы, которую выжег меч Альверика, и на ходу с недоумением косились на сражённых собратьев, чьи вялые ветви поникли без волшебства и тайны. Когда деревья подступали близко, Лиразель поднимала руку, и они замирали и дальше не шли, а она всё торопила Альверика.

Она знала, что отец её взойдёт по медным ступеням одного из серебряных шпилей, что скоро выйдет на высокий балкон и что возгласит он руну, которой она страшилась. Она слышала, как он поднимается: шаги его гулко отдавались в лесу. Они бежали по равнине за лесом сквозь вечный синий эльфийский день, и она снова и снова оглядывалась и торопила Альверика. Медленно гудели шаги Короля эльфов по тысяче медных ступеней, а Лиразель надеялась достичь ру-

бежа сумерек, с этой стороны дымного и тусклого. И вдруг, в сотый раз взглянув на далёкие балконы сверкающих шпильей, она увидела, как высоко над дворцом, о котором лишь в песнях и поётся, начала отворяться дверь. Она вскрикнула: «Увы!» — но в то же мгновение до них долетел запах шиповника с знакомых нам полей.

Альверик не знал усталости, ибо был молод, а она, ибо была вне возраста. Они бросились вперёд, держась за руки. Король эльфов поднял бороду и уже начал возглашать руну, что можно произнести лишь однажды и против которой не устоит ничто из наших полей, но беглецы вышли за рубеж сумерек, и руна лишь потрясла и смутила земли, по которым Лиразель более не ступала.

Когда Лиразель взглянула на знакомые нам поля, такие же чужие ей, какими некогда были они и для нас, красота их восхитила её. Она смеялась при виде стогов и любила их нелепую прелесть. Пел жаворонок, и Лиразель заговорила с ним, но жаворонок, казалось, не понял; тогда она обратилась к иным чудесам наших полей, ибо всё было ей внове, и о жаворонке забыла. Станным образом пора колокольчиков миновала: цвели наперстянки, боярышник отцвёл, и распустился шиповник. Альверик так и не постиг этого.

Было раннее утро, светило солнце и придавало нашим полям мягкие краски. Лиразель радовалась в этих полях самым обычным вещам, хотя никто не поверил бы, что среди привычных зрелищ земных будней их так много. Она была так

счастлива, так весела, так звонко вскрикивала от удивления и смеялась, что Альверик у открылась в лютиках красота, о которой он и не мечтал, а в телегах забавность, о которой прежде и не думал. Каждую минуту она с радостным возгласом находила какое-нибудь сокровище Земли, которого он не считал прекрасным. И, глядя, как она приносит нашим полям красоту, более тонкую даже, чем красота шиповника, он увидел, что её ледяной венец растаял.

Так вышла она из дворца, о котором лишь в песнях и поётся, и пошла через поля, о которых мне нет нужды рассказывать, ибо то были привычные поля Земли, что века меняют мало и ненадолго, и пришла с Альвериком вечером к его дому.

Всё переменялось в замке Эрл. В воротах им встретился привратник, которого Альверик знал: тот изумился, увидев их. В зале и на лестнице попались слуги, что ходили за замком, и все оборачивались с удивлением. Альверик знал и их, но все они постарели. И он понял, что за единственный синий день, проведённый в Эльфландии, миновало не менее десяти лет.

Кому не известен этот обычай Эльфландии? И всё же кто не удивился бы, увидев его наяву, как увидел теперь Альверик? Он повернулся к Лиразель и сказал ей, что минуло десять или двенадцать лет. Но это было всё равно что смиренный человек, женившийся на земной принцессе, сообщил бы ей, что потерял шесть пенсов. Время не имело для Лиразель

ни цены, ни смысла, и весть о десяти потерянных годах её не встревожила. Она и не подозревала, что значит время для нас, людей.

Альверикку сказали, что отец его давно умер. Один из слуг рассказал, что тот умер счастливым, без нетерпения, уповая, что сын исполнит его наказ. Ибо он знал кое-что о путях Эльфландии и понимал, что тем, кто странствует между «здесь» и «там», должно быть присуще то спокойствие, в котором Эльфландия вечно грезит.

Вверх по долине, звеня допоздна, доносилась работа кузнеца. Кузнецом был тот самый человек, что некогда говорил от имени пришедших в длинную багряную залу к лорду Эрла. Все те люди были ещё живы, ибо время, хоть и текло над долиной Эрла, как над всеми знакомыми нам полями, текло мягко, не так, как в наших городах.

Оттуда Альверик и Лиразель направились в обитель Фрира. Найдя его, Альверик попросил обвенчать их по христианскому обряду. Когда Фрир увидел, как красота Лиразель сверкнула среди простых вещей в его маленькой обители, стены которой он украсил безделушками, что порой покупал на ярмарках, он тотчас убоился, что она не смертного рода. А когда он спросил, откуда она, и она радостно ответила: «Из Эльфландии», добрый человек всплеснул руками и горячо объяснил ей, что все в той стране живут вне спасения. Но она улыбнулась, ибо в Эльфландии всегда была беспечно счастлива, а теперь заботилась лишь об Альверике. Фрир отпра-

вился к своим книгам посмотреть, что тут делать.

Он долго читал в молчании, нарушаемом лишь его дыханием, а Альверик и Лиразель стояли перед ним. Наконец он нашёл в книге чин венчания русалки, покинувшей море, хотя о самой Эльфландии добрая книга ничего не говорила. Он сказал, что этого довольно, ибо русалки равно с эльфами живут вне помышлений о спасении. Тогда он послал за колоколом и нужными свечами. Затем, обратившись к Лиразель, он велел ей отречься от всего, что относится к Эльфландии, и торжественно отринуть это, медленно читая из книги слова, подобающие столь благочестивому случаю.

— Добрый Фрир, — ответила Лиразель, — ничто, сказанное в этих полях, не может пересечь рубеж Эльфландии. И хорошо, что это так: ведь у моего отца есть три руны, что могли бы испепелить эту книгу, когда он отзовётся на одно из её заклинаний, если бы хоть слово могло пройти сквозь рубеж сумерек. Я не стану творить заклинаний против отца.

— Но я не могу венчать христианина, — возразил Фрир, — с одной из упорствующих, что живут вне спасения.

Тогда Альверик умолил её, и она произнесла слова из книги, «хотя отец мог бы испепелить это заклинание, — добавила она, — если бы оно когда-либо задело одну из его рун». И когда принесли колокол и свечи, добрый человек обвенчал их в своём маленьком доме по обряду, подобающему венчанию русалки, покинувшей море.

Глава V. Мудрость парламента Эрла

В те свадебные дни жители Эрла часто приходили в замок с дарами и поздравлениями. А по вечерам у себя дома они говорили о том прекрасном, что ждёт долину Эрла благодаря мудрости их поступка, когда они держали речь перед старым лордом в его длинной багряной зале.

Был там Нарл-кузнец, их предводитель. Был Гуик, горный земледелец, владелец клеверных пастбищ близ Эрла, который первым это придумал, поговорив с женой. Был Нехик, погонщик лошадей, и четверо торговцев скотом, и От, охотник на оленей, и Влел, мастер-пахарь. Все они, ещё с тремя, пришли к лорду Эрла с той просьбой, что отправила Альверика в странствие. Теперь они говорили о том добром, что из этого выйдет. Все желали, чтобы долина Эрла прославилась среди людей, как, по их чувству, она того заслуживала. Они искали в летописях, читали книги о пастбищах, но почти нигде не находили даже упоминания о любимой долине. И однажды Гуик сказал: «Пусть нами отныне правит волшебный лорд. Он прославит имя нашей долины, и не останется никого, кто не слышал бы об Эрле».

Все возрадовались и составили парламент, и двенадцать человек пошли к лорду Эрла. А что было дальше, я уже рас-

сказал.

Теперь за медовухой они говорили о будущем Эрла, о его месте среди прочих долин и о славе, которой он будет пользоваться в мире. Собирались они в большой кузне Нарла и беседовали, а Нарл приносил им медовуху из внутренней комнаты, и Трел приходил поздно, с лесной работы. Медовуха была на клеверном меду, густая и сладкая. Посидев в тёплой комнате и потолковав о повседневных делах долины и нагорий, они обращали мысли к будущему и словно сквозь золотую дымку видели славу Эрла. Один хвалил быков, другой лошадей, третий добрую землю, и все ждали дня, когда иные земли услышат о великом первенстве, которое держит долина Эрла среди долин.

А Время, что приносило эти вечера, уносило их прочь, двигаясь над долиной Эрла, как над всеми знакомыми нам полями. Вновь пришла весна, пора колокольчиков. И однажды, в расцвет диких анемонов, стало известно, что у Альверика и Лиразель родился сын.

На следующую ночь все жители Эрла развели на холме костёр, плясали вокруг него, пили медовуху и ликовали. Весь день таскали они для костра брёвна и ветви из ближнего дикого леса, и зарево его было видно в иных землях. Лишь на бледно-голубых вершинах гор Эльфландии не мелькнул его отблеск, ибо горы эти неподвластны всему, что случается здесь.

Отдыхая от пляски, они садились на землю и предска-зы-

вали судьбу Эрла, когда ему станет править сын Альверика со всем волшебством, полученным от матери. Одни говорили, что он поведёт их на войну, другие, что к более глубокой пахоте, и все предрекали лучшую цену за своих быков. Никто не спал в ту ночь: плясали, предсказывали славное будущее и радовались предсказанному. А пуще всего радовались тому, что имя Эрла отныне станут знать и чтить в иных землях.

Альверик искал няньку для сына по всей долине и нагорьям, но нелегко было найти женщину, достойную ходить за дитятей королевского рода Эльфландии. Тех, кого он находил, пугал свет, будто нездешний, не от нашей Земли и не от нашего неба, что порой словно сиял в глазах младенца. Наконец однажды ветреным утром он поднялся на холм одинокой ведьмы и застал её праздно сидящей в дверях: ей нечего было ни проклинать, ни благословлять.

— Ну что, — сказала ведьма, — принёс тебе меч удачу?

— Кто знает, — отвечал Альверик, — что приносит удачу, если мы не видим конца?

Он говорил устало: годы давили на него, и он так и не знал, сколько лет прошло над ним в тот день, когда он ходил в Эльфландию. Гораздо больше, казалось ему, чем за тот же день миновало над Эрлом.

— Да, — сказала ведьма. — Кто знает конец, как не мы?

— Матушка-ведьма, — сказал Альверик, — я женился на дочери короля Эльфландии.

— Это было великое возвышение, — сказала старая ведьма.

— Матушка-ведьма, у нас ребёнок. Кто позаботится о нём?

— Не человеческое это дело, — сказала ведьма.

— Матушка-ведьма, не придёшь ли ты в долину Эрла ходить за ним и быть нянькой в замке? Никто, кроме тебя, на всех этих полях ничего не ведает о делах Эльфландии, кроме принцессы, а она ничего не знает о Земле.

И старая ведьма ответила:

— Ради Короля я приду.

Так ведьма сошла с холма с узлом диковинных пожитков. И так младенца в знакомых нам полях выхаживала та, что знала песни и сказания страны его матери.

Часто, склонившись вдвоём над младенцем, старая ведьма и принцесса Лиразель беседовали, а потом и долгими вечерами, о вещах, о которых Альверик ничего не знал. При всех своих годах и всей мудрости, накопленной за сотню лет и сокрытой от людей, училась всё же ведьма, а учила принцесса Лиразель. Но о Земле и земных путях Лиразель так ничего и не узнала.

А старая ведьма так берегла младенца и так утешала, что за всё младенчество он ни разу не заплакал. У неё были чары, чтобы озарять утро, чары, чтобы веселить день, чары, чтобы унимать кашель, и чары, чтобы детская становилась тёплой, уютной и чуть жуткой: тогда огонь взвивался от звука её за-

клинания в заколдованных ею поленьях и бросал на потолок большие тени предметов у очага, дрожавшие тёмно и весело.

Дитя растили Лиразель и ведьма, как растят детей, чьи матери просто люди, но он знал сверх того напевы и руны, каких другие дети знакомых нам полей не слышат.

Старая ведьма двигалась по детской с чёрной палкой, охраняя дитя рунами. Если в ветреные ночи сквозняк визжал в какой-нибудь щели, у неё было заклятье, чтобы его утихомирить, и другое, чтобы зачаровать песню, что пел чайник, так что в мелодии слышались намёки на странные вести из мест, скрытых туманом, и ребёнок постигал тайну далёких долин, которых не видели его глаза. А вечером она поднимала эбеновую палку и, стоя перед огнём среди теней, заколдовывала их и заставляла плясать для него. Они принимали всевозможные образы добра и зла, плясали ради забавы младенца, и он узнавал не только то, чем богата Земля: свиней, деревья, верблюдов, крокодилов, волков и уток, добрых псов и кроткую корову, но и более тёмное, чего люди боялись, и то, на что надеялись и о чём догадывались. В эти вечера по стенам детской проходило всё, что случается на свете, и все существа, что на нём живут, и малыш свикался со знакомыми нам полями. А в тёплые послеобеденные часы ведьма носила его по селу. Все собаки лаяли на её жуткую фигуру, но подойти близко не смели, потому что позади шёл мальчик-слуга и нёс эбеновую палку. Собаки знают многое: знают, как далеко человек может бросить камень,

побьёт ли он их или не посмеет. Они поняли и то, что палка эта необычная. И потому держались подальше от диковинной чёрной палки в руке слуги и рычали, а крестьяне выходили поглядеть. Все радовались, видя, какую чародейную няньку получил юный наследник. «Вот, — говорили они, — ведьма Зироондерел», и заявляли, что она вырастит его на истинных началах волшебства и что при нём случится чудо, которое прославит всю их долину. Они били своих собак, пока те не прятались по домам, но собаки всё равно оставались при своих подозрениях. Так что когда мужчины уходили в кузню Нарла, а дома их стояли тихо в лунном свете, окна Нарла светились, медовуха ходила по кругу и всё больше голосов вплеталось в повесть о грядущей славе Эрла, собаки выходили на мягких лапах на песчаную улицу и выли.

В высокую солнечную детскую приходила Лиразель, принося сияние, которого не было у учёной ведьмы во всех её заклинаниях, и пела сыну песни, какие никто не споёт нам здесь, ибо выучены они по ту сторону рубежа сумерек и сложены певцами, не знавшими власти Времени. Как ни дивны были эти песни, рождённые так далеко от знакомых нам полей, во времена, о которых не пишут историки, и как ни удивлялись люди их странности, когда они плыли летними днями из открытых окон над Эрлом, никто не удивлялся им так, как сама Лиразель земным повадкам своего ребёнка и всем малым человеческим делам, что он совершал всё чаще по мере роста. Все человеческие повадки были ей странны.

И всё же она любила его больше отцовского царства, больше сверкающих веков своей нестареющей юности и дворца, о котором лишь в песнях и поётся.

В те дни Альверик понял, что она никогда не свыкнется с земными вещами, никогда не поймёт народа, жившего в долине, никогда не прочтёт мудрых книг без смеха, никогда не полюбит земных обычаев и в замке Эрл будет чувствовать себя не уютнее, чем лесной зверёк, которого Трел поймал бы в силки и посадил в клетку. Он надеялся, что она скоро выучит то, что ей чуждо, и малые различия между нашими полями и Эльфландией перестанут её тревожить. Но наконец он понял, что чуждое останется чуждым навсегда и что века её безвременного дома не так легко отлили её мысли и мечты, чтобы их могли изменить наши краткие годы здесь. Постигнув это, он постиг истину.

Между душами Альверика и Лиразель лежало всё расстояние, что есть между Землёй и Эльфландией. Любовь перекинула через него мост, ибо ей под силу и большее. Но когда, остановившись на золотом мосту, он позволял мыслям заглянуть вниз, в бездну, голова у него кружилась и Альверик трепетал. «Что же будет в конце?» — думал он. И боялся, как бы конец не оказался страннее начала.

А она не видела, зачем ей что-то знать. Разве красоты её недостаточно? Разве не пришёл наконец возлюбленный на те лужайки, что сияли у дворца, о котором лишь в песнях и поётся, и не избавил её от одинокой участи и вечного покоя?

Разве мало того, что он пришёл? Неужели ей надо понимать диковинные поступки людей? Неужели она не вправе станцевать на дороге, заговорить с козами, засмеяться на похоронах, спеть ночью? Зачем радость, если её прятать? Разве веселью склоняться перед скукой в этих странных полях, куда она пришла? И вот однажды она увидела, что одна женщина Эрла выглядит менее прекрасной, чем год назад. Перемена была невелика, но быстрый взгляд Лиразель её уловил. Она пошла к Альверику, плача и ища утешения, ибо боялась, что Время в этих полях властно повредить красоте, которой не смели омрачить долгие, долгие века Эльфландии. А Альверик отвечал, что Время идёт своим путём, как знают все люди, и что толку жаловаться?

Глава VI. Руна Короля эльфов

На высоком балконе своей сияющей башни стоял Король Эльфландии. Внизу ещё отзывалось эхом тысячеступенное эхо его шагов. Он вскинул голову, чтобы возгласить руну, которая удержала бы дочь в Эльфландии, и в тот самый миг увидел, как она переходит сумрачный рубеж. С этой стороны, обращённой к Эльфландии, рубеж весь пронизан светом сумерек, а с той, что глядит на знакомые нам поля, он дымен, угрюм и тускл. Теперь Король опустил голову, так что борода его смешалась с горностаевой накидкой поверх лазурного плаща, и стоял молча, скорбя, а время над знакомыми нам полями текло быстро, как всегда.

Он стоял, весь синий и белый на фоне серебряной башни, состарившийся за долгие века, о которых нам ничего не известно, прежде чем наложил на Эльфландию вечный покой, и думал о дочери среди наших безжалостных лет. Ибо мудрость его выходила за пределы Эльфландии и касалась наших суровых полей, и он хорошо знал жёсткость вещественного мира и всю смуту Времени. Он знал, что годы, подступающие к красоте, и бесчисленные жестокости, терзающие дух, уже обступили его дочь. Дни, что ей оставались, казались ему, живущему вне тревог и разрушения Времени, едва ли длиннее, чем нам кажется короткий час розы шиповника, сорванной и бездумно продаваемой на городских улицах. Он

знал, что над нею уже нависла участь всего смертного. Он думал, что скоро она погибнет, как гибнет всё смертное, и будет погребена среди камней земли, которая презирает Эльфландию и считает её драгоценнейшие предания пустяком. И не будь он королём всей той волшебной страны, державшей свой вечный покой его собственной таинственной безмятежностью, он заплакал бы при мысли о могиле в каменистой Земле, что примет этот навеки прекрасный облик. Или же, думал он, она отойдёт в какой-нибудь рай, далёкий от его ведения, в какое-нибудь небо, о котором говорят книги знакомых нам полей, ибо он слышал и об этом. Он представил её на холме, одетом яблонями, под цветами вечного апреля, сквозь которые мерцали бледно-золотые венцы тех, кто проклял Эльфландию. Он увидел, хоть и смутно, несмотря на всю свою чародейную мудрость, славу, которую ясно видят лишь блаженные. Он увидел дочь на тех небесных холмах: она простирала обе руки, как он хорошо знал, к бледно-голубым вершинам своего эльфийского дома, но ни один из блаженных не внимал её томлению. И тогда, хоть он и был королём страны, получившей от него вечный покой, он заплакал, и вся Эльфландия содрогнулась. Содрогнулась так, как вздрагивает здесь тихая вода, если что-нибудь вдруг коснётся её из наших полей.

Потом Король повернулся, оставил балкон и в великой спешке сошёл по медным ступеням.

Он подошёл, гремя, к дверям из слоновой кости, что запи-

рали башню вниз, прошёл сквозь них и вступил в престольную залу, о которой может поведать лишь песня. Там он достал из ларца пергамент и перо из крыла неведомой птицы и, обмакнув перо в чернила, каких нет на земле, написал на пергаменте руну. Затем поднял два пальца и совершил малое заклинание, которым созывал стражу. Но стража не пришла.

Я говорил, что в Эльфландии время не идёт вовсе. Но событие само есть проявление времени, и ничто не свершится, если время не пройдёт. В Эльфландии время таково: в вечной красоте, что грезит в том медвяном воздухе, ничто не движется, не увядает, не умирает, ничто не ищет счастья в движении, в перемене или в новизне, но блаженствует в вечном созерцании всей красоты, какая когда-либо была и какая всегда сияет над заколдованными лужайками так же ярко, как в миг, когда её создали заклинанием или песней. Но стоило силам чародейского разума подняться навстречу новому, как власть, наложившая на Эльфландию покой и удержавшая время, на какое-то мгновение нарушала этот покой, и время потрясало Эльфландию. Бросьте что-нибудь, чуждое этому месту, в глубокий пруд, где грезит большая рыба, грезят зелёные водоросли, грезят тяжёлые краски и спит свет: рыба шевельнётся, краски сместятся и изменятся, водоросли задрожат, свет пробудится, мириады вещей познают медленное движение и перемену, и скоро весь пруд снова затихнет. Так было, когда Альверик прошёл рубеж сумерек и сквозь весь заколдованный лес: Король встревожился, и вся

Эльфландия затрепетала.

Видя, что стража не идёт, Король поглядел в лес, о котором знал, что тот встревожен, сквозь густую толщу деревьев, ещё дрожавших от прихода Альверика. Он глядел чарами сквозь глубины леса и серебряные стены дворца и увидел четверых рыцарей своей стражи, лежавших на земле поверженными, а густая эльфийская кровь висела у них в щелях доспехов. Он вспомнил о древнем волшебстве, которым создал старшего из них руной, только что исполненной вдохновения, прежде чем победил Время. Он вышел сквозь блеск и сияние одних из своих сверкающих врат, пересёк мерцающую лужайку, подошёл к павшим стражам и увидел, что деревья всё ещё встревожены.

— Здесь была магия, — сказал Король Эльфландии.

И хотя у него было всего три руны, способные на такое, и произнести их можно лишь однажды, и одна уже была записана на пергаменте, чтобы вернуть дочь домой, он произнёс вторую из своих величайших рун над старшим рыцарем, созданным им давным-давно. И в тишине, что последовала за последними словами руны, все разрывы в лунно-светлых доспехах разом защёлкнулись, густая тёмная кровь исчезла, и рыцарь поднялся живым на ноги. А у Короля эльфов осталась теперь лишь одна руна, могущественнее любой известной нам магии.

Трое других рыцарей лежали мёртвые. Не имея душ, их волшебство вернулось в разум повелителя.

Затем он возвратился во дворец, а последнего из своей стражи послал за троллем.

Тролли, темнокожие, ростом в два-три фута, — гномье племя, обитающее в Эльфландии. Вскоре по престольной за- ле, о которой лишь в песнях и поётся, раздался топоток, и тролль, ступая босыми ногами, выпрыгнул у трона и встал перед своим королём. Король вручил ему пергамент с написанной руной и сказал:

— Скачи отсюда, пересеки край Страны и дойди до полей, неведомых здесь никому. Найди принцессу Лиразель, ушедшую в обиталища людей, и отдай ей эту руну: она прочтёт её, и всё будет хорошо.

И тролль ускакал.

Вскоре длинными прыжками он уже достиг рубежа сумерек. Тогда в Эльфландии прекратилось всякое движение, и неподвижно сидел на великолепном троне, о котором лишь песня может говорить, старый Король, скорбя в безмолвии.

Глава VII. Появление тролля

Подойдя к рубежу сумерек, тролль проворно проскользнул сквозь него, но в знакомые нам поля вышел осторожно: он боялся собак. Тихо выскользнув из плотных толщ сумерек, он ступил в наши поля так неслышно, что заметил бы его лишь тот, кто уже глядел на это место. Там он помедлил несколько мгновений, озираясь влево и вправо, и, не увидев собак, покинул сумеречный рубеж. Прежде тролль не бывал в знакомых нам полях, но собак сторониться умел: страх перед собаками так глубок и всеобщ среди всех, кто стоит ниже Человека, что, кажется, перешёл даже наши границы и дошёл до Эльфландии.

В наших полях стоял май, и лютики расстилались перед троллем жёлтым миром, смешанным с бурым цветом пробуждающихся трав. Увидев столько сияющих лютиков, он поразился богатствам Земли. Скоро он уже шагал сквозь них, окрашивая голени в жёлтое.

Не отойдя далеко от Эльфландии, он повстречал зайца. Тот лежал в удобной ямке, выстеленной травой, где собирался скоротать время, пока не найдутся дела, требующие его внимания.

Увидев тролля, заяц замер без малейшего движения, без всякого выражения в глазах и только думал.

Тролль подскочил ближе, улёгся перед ним в лютиках и

спросил, как пройти к обиталищам людей. А заяц всё думал.

— Существо этих полей, — повторил тролль, — где обиталища людей?

Тогда заяц поднялся и пошёл к троллю, и вид у него был очень смешной: при ходьбе в нём нет той грации, что есть при беге и прыжках, и спереди он гораздо ниже, чем сзади. Он ткнулся носом троллю в лицо и пошевелил глупыми усами.

— Скажи мне дорогу, — потребовал тролль.

Убедившись, что от тролля не пахнет ничем собачьим, заяц позволил ему расспрашивать себя. Но языка Эльфландии он не понимал, а потому снова улёгся и думал, пока тролль говорил.

Наконец троллю надоело не получать ответа. Он вскочил, закричал: «Собаки!» — и, бросив зайца, весело поскакал по лютикам в любую сторону, лишь бы прочь от Эльфландии. Эльфийской речи заяц не разобрал, но в крике тролля была такая горячность, что тревога закралась ему в мысли. Скоро он покинул свою ямку и поскакал прочь по лугу, бросив вслед троллю презрительный взгляд. Бежал он, однако, не слишком быстро, большей частью на трёх лапах: четвёртая, задняя, была наготове опуститься, если собаки и вправду появятся. Вскоре он остановился, сел столбиком, наострил уши, оглядел лютики и глубоко задумался. И не успел заяц решить, что значили слова тролля, а тролль уже был далеко и сам забыл, что сказал.

Скоро за изгородью поднялись щипцы фермерского дома. Маленькие окошки под красной черепицей будто смотрели на него. «Обиталище человека», — сказал тролль. Но какой-то эльфийский инстинкт говорил ему, что принцесса Лиразель пришла не сюда. Всё же он подошёл ближе к ферме и принялся разглядывать домашнюю птицу. Тут его заметила собака, никогда прежде не выдавшая тролля. Она издала один-единственный вопль изумлённого негодования и, сберегая остаток дыхания для погони, понеслась за ним.

Тролль тотчас взмыл над лютиками и стал то подниматься, то опускаться, словно позаимствовал скорость у ласточки и скакал по нижнему воздуху. Собаке такая скорость была внове. Она описывала длинную дугу вслед за троллем, пригнувшись на бегу, с раскрытой безмолвной пастью, а ветер волнистой струёй пробежал по ней от носа до хвоста. Дугу эту вычертила досада собаки: она надеялась перехватить тролля, когда тот скользил наискось. Вскоре она очутилась прямо позади него, а тролль забавлялся скоростью, длинными свежими глотками вдыхая цветочный воздух над верхушками лютиков. О собаке он больше не думал, но бега, начатого из-за неё, не прекращал: так радовала его скорость. Так продолжалась эта странная погоня над полями: тролля гнала радость, собаку долг. Для разнообразия тролль прыгнул, сдвинув ноги вместе, и, приземлившись на прямые колени, упал вперёд на руки и перекувырнулся. Резко разогнув локти в кувырке, он выстрелил собой в воздух, продолжая вра-

щаться. Он проделал это несколько раз, ещё сильнее распалая негодование собаки, которая отлично знала, что по знакомым полям так не ходят. Но, как ни негодовала, собака ясно видела, что тролля ей не догнать, и вскоре вернулась на ферму, нашла хозяина и подошла к нему, виляя хвостом. Она виляла так усердно, что фермер решил, будто она сделала что-то полезное, и погладил её. На том дело и кончилось.

И хорошо, что собака прогнала тролля со двора: передай она скоту хоть частицу чуда Эльфландии, он стал бы насмеяться над Человеком, и фермер потерял бы верность всех, кроме своей надёжной собаки.

А тролль весело продолжал путь поверх лютиков.

Вскоре перед ним над цветами белым столбиком поднялась лисица. Она стояла к нему лицом, показывая белую грудь и подбородок, и следила за троллем, пока он шёл. Тролль подошёл и взглянул на неё. Лисица продолжала следить за ним, ибо лисица следит за всем.

Недавно она вернулась на эти росистые поля, всю ночь крадучись вдоль рубежа сумерек между здешними землями и Эльфландией. Она заходит даже в самый рубеж и бродит среди сумерек, и в тайне тех густых сумерек между «здесь» и «там» к ней пристаёт отблеск того очарования, что она приносит в наши поля.

— Здравствуй, Ничей Пёс, — сказал тролль. В Эльфландии лисицу знают: часто видят, как она смутной тенью пробирается вдоль их границ, и это имя ей там дали.

— Здравствуй, Существо-из-за-Рубежа, — отозвалась лисица, да и то не сразу. Ибо она понимала тролльскую речь.

— Далеко ли отсюда обиталища людей? — спросил тролль.

Лисица пошевелила усами, чуть сморщив губу. Как все лжецы, она обдумывала слова, прежде чем заговорить, а порой даже позволяла мудрому молчанию послужить лучше речи.

— Люди живут и здесь, и там, — сказала лисица.

— Мне нужны их обиталища, — сказал тролль.

— Зачем? — спросила лисица.

— У меня весть от Короля Эльфландии.

При упоминании этого грозного имени лисица не выказала ни почтения, ни страха, а лишь слегка повела головой и глазами, скрывая охвативший её трепет.

— Если весть, — сказала она, — то их обиталища вон там.

— И указала длинным тонким носом в сторону Эрла.

— Как я узнаю, что пришёл? — спросил тролль.

— По запаху, — сказала лисица. — Это большое обиталище людей, и запах там ужасный.

— Спасибо, Ничей Пёс, — сказал тролль. А он редко кого благодарил.

— Я бы к ним никогда не подошла, — сказала лисица, — если бы не... — Она умолкла и задумалась.

— Если бы не что? — спросил тролль.

— Если бы не их птица. — И она погрузилась в важное

молчание.

— Прощай, Ничей Пёс, — сказал тролль, перекувырнулся через голову и пустился в путь к Эрлу.

Летя над лютиками всё росистое утро, к полудню тролль был уже далеко, а до вечера увидел дым и башни Эрла. Селение лежало в низине: щипцы, трубы и башни выглядывали из-за края долины, и дым висел над ними в дремотном воздухе. «Обиталища людей», — сказал тролль. Потом сел среди трав и стал смотреть.

Вскоре он подошёл ближе и посмотрел снова. Ни дым, ни скопище щипцов ему не понравились, а запах и вправду был ужасен. В Эльфландии ходило какое-то предание о мудрости Человека, но то уважение, какое оно внушило легкомысленному уму тролля, теперь легко развеялось при виде тесных домов. Пока он смотрел, по тропинке через поля прошла четырёхлетняя девочка, возвращавшаяся вечером домой, в Эрл. Они посмотрели друг на друга круглыми глазами.

— Здравствуй, — сказала девочка.

— Здравствуй, Дитя Людей, — сказал тролль.

Говорил он теперь не по-тролльи, а на языке Эльфландии, более величественном наречии, на каком ему пришлось говорить перед Королём. Язык этот он знал, хотя в домах троллей на нём не говорили, предпочитая тролльскую речь. В те дни на нём говорили и люди: языков тогда было меньше, и эльфы, и жители Эрла пользовались одним.

— Кто ты? — спросила девочка.

— Троль из Эльфландии, — ответил троль.

— Так я и думала, — сказала девочка.

— Куда ты идёшь, дитя людей? — спросил троль.

— Домой, — ответила девочка.

— Нам туда идти незачем, — сказал троль.

— Н-нет, — сказала девочка.

— Пойдём в Эльфланию, — сказал троль.

Девочка немного подумала. Другие дети уходили, а эльфы всегда подсылали на их место подменыша, так что никто по-настоящему не хватился пропавших и никто ничего не знал. Она недолго подумала о чуде и дикости Эльфландии, а потом о родном доме.

— Н-нет, — сказала девочка.

— Почему? — спросил троль.

— Мама сегодня утром испекла рулет с вареньем, — сказала девочка и степенно пошла домой. Не будь этого случайного рулета с вареньем, она ушла бы в Эльфланию.

— Варенье! — презрительно сказал троль и вспомнил горные озёра Эльфландии, большие листья кувшинок, плашмя лежащие на торжественных водах, громадные синие лилии, что вздымаются в эльфийский свет над зелёными глубокими омутами. И ради варенья это дитя от них отказалось!

Затем он снова вспомнил о своём долге, о свитке пергамента и руне Короля эльфов для его дочери. Пока он бежал, свиток был у него в левой руке, а когда кувыркнулся над лютиками, он держал его во рту. Здесь ли принцесса? Или есть

иные обиталища людей? С наступлением вечера он подкрадывался всё ближе и ближе к домам, чтобы послушать, оставаясь незамеченным.

Глава VIII. Приход руны

В солнечное майское утро в Эрле ведьма Зироондерел сидела в замковой детской у огня и варила для младенца кашу. Мальчику шёл уже третий год, а Лиразель всё ещё не дала ему имени: она боялась, как бы какой-нибудь ревнивый дух земли или воздуха не услышал это имя, а чего именно она тогда боялась, сказать не бралась. Но Альверик твердил, что имя необходимо.

Мальчик умел катать обруч. Ведьма в одну туманную ночь сходила на свой холм, принесла лунное гало, добытое чарами при восходе луны, выковала из него обруч и сделала малышу прутик из громового железа, чтобы гонять обруч по земле.

Теперь мальчик ждал завтрака. Поперёк порога лежало заклятье, хранившее уют детской: Зироондерел наложила его взмахом эбеновой палки, и оно не пускало ни крыс, ни мышей, ни собак, не давало перелететь даже летучим мышам, а сторожкую детскую кошку удерживало дома. Ни один замок кузнечной работы не был крепче.

Вдруг через порог и через заклятье перекувырнулся по воздуху тролль и приземлился сидя. Грубые деревянные часы над очагом смолкли, едва он вошёл: он принёс с собой оберег против времени, обвязав палец диковинной травой, чтобы не иссохнуть в знакомых нам полях. Король эльфов хорошо знал бег наших часов: четыре года пронеслись над

нашими полями, пока он грохотал вниз по медным ступеням, посылал за троллем и вручал ему заговор для пальца.

— Это что такое? — спросила Зироондерел.

Дерзить вовремя тролль умел отлично, но, заглянув ведьме в глаза, увидел там нечто, чего стоило бояться. И не зря. Эти глаза глядели в глаза самого Короля эльфов. Поэтому он пустил в ход, как говорят у нас, лучшую свою карту и ответил:

— Весть от Короля Эльфландии.

— Вот как? — сказала старая ведьма. — Да, да, — добавила она тише, про себя, — это для моей госпожи. Да, этого следовало ждать.

Тролль сидел на полу, перебирая свиток пергамента с руной Короля Эльфландии. Тут младенец, дожидавшийся завтрака, увидел его поверх края кровати и спросил, кто он, откуда пришёл и что умеет. Едва мальчик спросил об этом, тролль вскочил и заметался по комнате, как мотылёк по освещённому лампой потолку. С пола на полки, обратно и снова вверх носился он такими прыжками, что казалось, будто он летает. Малыш хлопал в ладоши, кошка бесновалась, ведьма подняла эбеновую палку и сотворила заговор против прыжков, но тролля он не удержал. Тот скакал, подскакивал и носился, а кошка шипела все проклятия, какие знает кошачий язык. Зироондерел сердилась не только оттого, что её чары не помогли, но и оттого, что с чисто человеческой тревогой боялась за свои чашки и блюда. А малыш всё время

кричал: «Ещё!» И вдруг тролль вспомнил о поручении и о грозном пергаменте.

— Где принцесса Лиразель? — спросил он ведьму.

Ведьма указала путь к башне принцессы: она знала, что у неё нет ни средств, ни сил помешать руне Короля Эльфландии. Когда тролль повернулся уходить, в комнату вошла Лиразель. Он низко склонился перед великой госпожой Эльфландии и, мигом утратив всю свою дерзость, преклонил колено перед блеском её красоты и подал руну Короля эльфов. Мальчик кричал матери, требуя от тролля новых прыжков, а она взяла свиток в руку. Кошка, прижавшись спиной к ящику, зорко следила за всем, Зироондерел молчала.

И тогда тролль подумал о заросших зелёной тиной озёрах Эльфландии в лесах, которые знают тролли, о чуде нетленных цветов, которых никогда не касалось время, о глубоком, глубоком цвете и вечном покое: поручение исполнено, и он устал от Земли.

На мгновение замерли все, кроме младенца, требовавшего новых троллевых проказ и размахивавшего руками. Лиразель стояла со свитком Короля эльфов в руке, тролль преклонил перед ней колено, ведьма не шевелилась, кошка свирепо стерегла, даже часы стояли. Потом принцесса шевельнулась, тролль поднялся, ведьма вздохнула, и кошка отложила свою бдительность, когда тролль ускакал. Малыш кричал, чтобы тролль вернулся, но тот не слушал: он вился вниз по длинной винтовой лестнице, выскользнул в дверь и устремился

к Эльфландии. Когда тролль переступил порог, деревянные часы затикали вновь.

Лиразель посмотрела на свиток, посмотрела на сына, но пергамент не развернула. Она повернулась, унесла его в свои покои, заперла в ларец и оставила там непрочитанным. Страх говорил ей: сильнейшая из рун отца, которой она так боялась, когда бежала от его серебряной башни и слышала, как его шаги гулко восходят по меди, пересекла рубеж сумерек, записанная на этом свитке, и предстанет её глазам в тот миг, как она его развернёт, и унесёт её отсюда.

Когда руна была надёжно заперта, Лиразель пошла к Альверик у рассказать ему об опасности, что подступила к ней. Но Альверик был огорчён тем, что она не нарекла младенца, и сразу спросил её об этом. И наконец она предложила имя, такое, что никто в этих полях не мог его выговорить: эльфийское, полное чуда, составленное из слогов, подобных птичьим крикам ночью. Альверик и слышать о нём не пожелал. Этот каприз, как и все её капризы, происходил не от какого-либо обычая наших полей, а целиком из-за рубежа, из Эльфландии, вместе со всеми дикими причудами, что редко навещают наши поля. Альверика огорчали эти причуды: подобных им не бывало в замке Эрл в прежние времена, никто не мог растолковать их ему и никто не мог дать ему совета. Он ждал, что её поведут старые обычаи, а она ждала лишь, что какая-нибудь дикая причуда придёт с юго-востока. Он рассуждал с ней человеческим рассудком, к которому здесь

относятся с таким почтением, но она не хотела рассудка. Так они и расстались, и Лиразель не рассказала об опасности из Эльфландии, хотя за этим и приходила к Альвериду.

Она пошла в свою башню и смотрела на ларец, поблёскивавший в низком позднем свете. Она отворачивалась от него и снова поглядывала, а свет уходил под поля, наступали сумерки, и всё меркло. Тогда она села у окна, открытого на восточные холмы, и над их темнеющими изгибами наблюдала звёзды. Она смотрела так долго, что видела, как они меняют места. Больше всего из виденного с тех пор, как пришла в наши поля, она дивилась звёздам. Милы ей были их нежная красота, и всё же она грустила, глядя на них с тоской: Альверик говорил, что поклоняться им нельзя.

Как же ей воздать им должное, если поклоняться нельзя? Как поблагодарить за красоту, как восславить их радостный покой? И тогда она подумала о своём младенце. Потом увидела Орион. Тогда она бросила вызов всем ревнивым духам воздуха и, глядя на Орион, которому ей не дозволено поклоняться, посвятила дни своего младенца этому препоясанному охотнику, назвав дитя в честь прекрасных звёзд.

Когда Альверик пришёл в башню, она рассказала ему о своём желании, и он согласился назвать мальчика Орионом, ибо в долине все высоко чтили охоту. И к Альвериду вернулась надежда, от которой он не хотел отказываться: что, став благоразумной хоть в этом, она станет благоразумна и во всём остальном, будет следовать обычаю, делать то, что

делают другие, и оставит дикие причуды и мечты, что приходят через рубеж из Эльфландии. И он попросил её чтить святыни Фрира. Она никогда не воздавала им должного и не знала, что священнее, его подсвечник или колокол, и никогда не узнает, что бы ни говорил ей Альверик.

Теперь она отвечала ему ласково, и муж думал, что всё хорошо, но мысли её были далеко, с Орионом. Они никогда не задерживались на серьёзном надолго и среди серьёзного оставались не дольше, чем бабочки в тени.

Всю ту ночь ларец оставался запертым на руне Короля эльфов.

А наутро Лиразель мало думала о руне: они пошли с мальчиком в обитель Фрира. Зироондерел пошла с ними, но осталась ждать снаружи. Пришёл и народ Эрла, сколько могло оставить свои дела в полях. Были там все, кто составил парламент и ходил к отцу Альверика в длинную багряную залу. Все обрадовались, увидев мальчика, отметив его силу и рост, и, тихо переговариваясь в святом месте, предрекали, что всё будет, как они замыслили. Фрир вышел и, стоя среди святынь, нарёк стоящего перед ним мальчика Орионом, хотя охотнее дал бы любое из тех имён, что знал как благословенные. Он радовался, глядя на мальчика и нарекая его: ведь по роду, жившему в замке Эрл, все эти люди отсчитывали поколения и следили, как проходят века, как порой мы следим за сменой времён года над старым, давно знакомым деревом. Он поклонился Альверику и был весьма учтив к Лиразель,

но учтивость его к принцессе шла не от сердца: в душе он чтил её не более, чем русалку, покинувшую море.

Так мальчик получил имя Орион. Весь народ радовался, когда он вышел с родителями и присоединился к Зироондерел у края святого сада. Альверик, Лиразель, Зироондерел и Орион вместе пошли назад в замок.

Весь тот день Лиразель не делала ничего, что вызвало бы чьё-либо удивление, и позволила обычаю и порядкам знакомых нам полей править собой. Только когда вышли звёзды и засиял Орион, она поняла, что их великолепие не получило должного, и благодарность её Ориону томила желанием высказаться. Она была благодарна ему за яркую красоту, что веселила наши поля, и за защиту, которой, как она была уверена, он оградит её мальчика от ревнивых духов воздуха. Все её несказанные слова благодарности так жгли ей сердце, что она вдруг встала, покинула башню, вышла под открытое звёздное небо, подняла лицо к звёздам, к месту Ориона, и стояла немая, хотя благодарность трепетала на её устах: Альверик говорил, что молиться звёздам нельзя. С запрокинутым к тому странствующему воинству лицом она долго стояла молча, послушная Альверику. Потом опустила глаза и увидела, что в ночи мерцает небольшой пруд, в котором сияют все лики звёзд. «Молиться звёздам, — сказала она себе, — конечно, дурно. Но эти отражения в воде — не звёзды. Я помолюсь их отражениям, и звёзды поймут».

На коленях среди листьев ириса молилась она у края пруд-

да и благодарила отражения звёзд за радость, что принесла ей ночь, когда созвездия сияли в бесчисленном величии и двигались, как войско в серебряных кольчугах, идущее от неведомых побед к завоеваниям в далёких войнах. Она благословляла, благодарила и славila те яркие отражения, что мерцали внизу, в пруду, и просила передать её благодарность и хвалу Ориону, которому молиться ей не дозволено. Так нашёл её Альверик: она стояла на коленях, склонившись, в темноте, и он горько упрекнул её. Она поклоняется звёздам, сказал он, а они созданы не для того. А она ответила, что молится лишь их отражениям.

Мы легко поймём его чувства: её странность, неожиданные поступки, несогласие со всем установленным, презрение к обычаю, своенравное неведение что ни день задевали какое-нибудь заветное предание. Чем романтичнее была она там, за рубежом, как повествуют легенда и песня, тем труднее ей было занять место, прежде принадлежавшее дамам этого замка, искущённым во всей науке знакомых нам полей. А Альверик ждал, что она исполнит обязанности и последует обычаям, которые были ей так же внове, как мерцающие звёзды.

Но Лиразель чувствовала лишь, что звёзды не получили своего, и что обычай, или разум, или что там ещё ценят люди, должны бы требовать благодарности им за красоту. А она даже не поблагодарила их, но молилась лишь их отражениям в пруду.

В ту ночь она думала об Эльфландии, где всё было под стать её красоте, где ничто не менялось, не было ни странных обычаев, ни странных великолепий, подобных нашим звёздам, которым никто не воздаёт должного. Она думала об эльфийских лужайках и высоких грядах цветов, о дворце, о котором нельзя рассказать, а можно лишь спеть.

В темноте ларца, всё так же запертая, руна ждала своего часа.

Глава IX. Лиразель уносит ветер

Дни шли, лето пронеслось над Эрлом, солнце, поднимавшееся к северу, снова повернуло на юг, приближалась пора, когда ласточки покидают здешние стрехи, а Лиразель так ничему и не научилась. Она больше не молилась звёздам и не взывала к их отражениям, но и человеческих обычаев не усвоила и не понимала, отчего любовь и благодарность её к звёздам должны оставаться невысказанными. А Альверик не знал, что придёт час, когда какая-нибудь простая, ничтожная мелочь разведёт их навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.